

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

Родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром в Тарской центральной районной библиотеке. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях, коллективных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и др. За дебютную книгу стихов «Облачный парус» (Омск, 2014) удостоен звания лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2015) и региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

СОВИНЫЕ СУМЕРКИ

Несколько мгновений я лежу с открытыми глазами, настороженно вслушиваясь в доносящийся с улицы шум. Мне нужно вскочить, захлопнуть окно, чтобы чудовище не смогло влезть, но нет сил пошевелиться! А оно – там. Скребёт когтями по бетонным плитам. Моя квартира на втором этаже, но я знаю: Оно доберётся до окна.

Скованный холодным ужасом, я лишь наблюдаю, как странное существо перемахивает через подоконник. Сначала мне кажется, что это человек, когда некто в черном дождевике приземляется на пол. Но когда чудовище оборачивается ко мне, на его лице вспыхивают два круглых жёлтых глаза.

В темноте ничего не разобрать, но я уверен: у него совиная голова. Слышу, как щёлкает клюв, как с противным клёкотом он медленно движется ко мне. Когда нечто прикрывает свои луноподобные глаза, оно на мгновение сливается с тьмой, и мне думается, что всё это – дурной сон! Но вот глаза вспыхивают вновь. Ближе. Ещё ближе...

Я знаю, что половицы в моей комнате громко скрипят, стоит наступить на них, но под Его лапами старые доски остаются недвижимы. Гвозди со стальным терпением замерли. В комнате пахнет прелой листвой и человеческим потом.

Тянусь к прикроватной тумбе и касаюсь пальцами клавиатуры телефона. Мобильник взрывает тьму голубоватым свечением, вычерчивая контуры предметов и освещая ближайшие из них. Теперь мне отчетливо видна вся комната: компьютерный стол с пузатым монитором, хищно поблескивающая стенка шифоньера и распахнутое окно. Тюлевая занавеска покачивается от прикосновений холодного ночного ветра.

Тишина, покой... Только сердце испуганно колотится в груди.

Я вскакиваю с кровати, протягиваю руку к занавеске, отдергиваю её и... ничего. Вползает в комнату бодрящая прохлада, по улице проносится с птичьим клёкотом старенький жигулёнок с желтыми, как совиные глаза, фарами.

– Это всего лишь сон, – говорю я себе и в страхе замираю, не веря собственным глазам, – на подоконнике лежит небольшое птичье перо.

* * *

– Я тебе верю, – кивает Витёк, – мой сосед и одноклассник. Ему, как и мне, одиннадцать лет.

Мы сидим на ветвях крепкого, кряжистого клёна, нависающего над улицей. Внизу, в паре метров под нами, ходят люди, время от времени удивлённо поглядывая вверх, где трое ребят устроили некое подобие шалаша. Трое, потому что с нами Егор – он старше, ему тринадцать. Почти взрослый! Поэтому в нашей компании он самый главный.

– Ерунда, – перегнувшись через могучие ветви, говорит Егор, – не бывает монстров. Вы что, маленькие совсем?.. Ну да, я же забыл, что вы маленькие.

На его конопатом лице играет противная ухмылка, и нам с Витьком вдруг становится стыдно.

– Он перо нашёл, – восклицает Витёк, глядя, как густо я покраснел.

– Перо? Ну и что?

– А вот то! – я запускаю руку в карман шортов и достаю оттуда небольшое серое перо. Даже не перо – пёрышко.

– У вороны, что ли, выдрал? – тянет к нему свои худые пальцы Егор.

Я обиженно отдёргиваю руку с находкой.

– Сам ты ворона! – бурчу я. – Это на подоконнике было.

– Да ну?! – притворно удивляется конопатый. – Дай гляну, что за «трофей».

Он бесцеремонно отбирает у меня «трофей» и принимается с видом знатока вертеть перо в руках. То касается пальцами, то пытается согнуть.

– Перо как перо! – наконец заявляет Егор.

– Да говорю же тебе, его тот монстр оставил, когда от меня убежал!

– Это он тебя так испугался, что ли?

– Он мобильника испугался.

– Потому что у тебя кирпич кнопочный, а не смартфон, – хохотнул Егор, – им можно кого хочешь напугать.

– Я уверен, что он из-за света убежал. А пока было темно – стоял в комнате и...

– Ты только что нам рассказывал, – отмывается конопатый.

Я молчу, вспоминая, как плескались желтизной фары машины, как свистел ветер. Может, это был сон? Просто сон. Они ведь бывают очень реальными.

– А может, твой монстр, – говорит Витёк, – специально перо оставил?

– Ага, – подхватывает Егор, – чёрная метка. Малой, он к тебе сегодня ночью придёт и слопаёт.

При этих словах я топаю ногой, отчего ветви подо мной начинают шуметь, а вниз, на асфальт, летят зелёные «вертолёттики» – семена клёна. Вскидывает голову идущая внизу женщина:

– Что делают, шантрапа! – кричит она, стряхивая с пышной шевелюры насыпавшиеся сверху листья и кору.

А мы, позабыв про обиды, смеёмся, то ли радуясь тому, что крупногабаритной тётке до нас не добраться, то ли представляя, как она будет лезть на дерево, решив всё же проучить негодников.

– Ты на нас не обижайся, – говорит Егор, – просто глупо это – монстров бояться. Ты чего? Эй!

Он толкает меня в плечо.

– Ты чего замер?

Я не отвечаю, с ужасом глядя на человека, только что прошедшего под деревом. Вот начинает кричать громкоголосая женщина, обратив к нам розовощёкое лицо... Вот огибаёт её один человек, второй... и Он – третий прохожий. Высокий, тощий, с крючковатым носом и острыми скулами, в потрёпанной чёрной ветровке и таких же чёрных брюках. Осторожно отстраняет он костлявой рукой раскричавшуюся даму и бросает на нас короткий, резкий взгляд. Его глаза, большие, круглые и отливающие желтизной, будто прожигают во мне дыру.

– Это он! – шепчу я, тыча пальцем в незнакомца, который быстрым шагом идёт в сторону парка.

– Кто? – непонимающе спрашивает Егор.

– Монстр, – отвечаю я, и мне вспоминаются круглые жёлтые глаза той бестии, что смотрела на меня из мрака комнаты. Это не мог быть сон! Не мог!

– Да это бомж, – широко улыбается Витёк, – он в парке в вагончиках ночует. На колесе обозрения. А раньше жил на пристани, где дом такой с жёлтым забором и...

– Это он, – с уверенностью говорю я.

– А перья где? – ехидно интересуется друг.

– Не знаю, но глаза...

– А может, – вновь вклинивается в разговор любитель страшилок Витёк, – ночью он превращается в сову и кружится над домами? Забирается в окна... А днём превращается в человека?!..

– Не, – со знанием дела возражает Егор, – то оборотень. А это – бомж.

Витёк азартно хлопает в ладоши:

– А давайте за ним проследим! Пойдем до самого парка, посмотрим, что он там делать будет!

Егор пожимает плечами. Его явно не радует перспектива слезать с облюбованного дерева.

– Давай! – поддерживаю я инициативу друга.

– А ты не испугаешься? – подзуживает Витёк.

– Не испугаюсь!

– Мы идём в страшный-страшный парк ловить страшного-страшного оборотня.

– И ничё он не страшный, этот парк, – со вздохом прерывает наш диалог Егор, – сейчас часов шесть – светло ещё. Давайте спускаться да пойдём быстрее. А то я вечером ещё хочу по тарелке футбол глянуть. Наши будут играть.

* * *

Долго бродил странный бомж по парку, то останавливаясь и прислушиваясь, то заговаривая с редкими прохожими. А потом направился к жалобно поскрипывающим аттракционам. Затаившись за зданием билетной кассы, мы с интересом наблюдали за тем, как ловко он перемахнул через забор, взобрался по лестнице на вершину колеса и скрылся в одной из кабинок, раскачивающихся наверху, в каких-то паре метров от неба...

– Зря мы это затеяли! Ох, зря... – прежде бесстрашный Витёк сейчас переминается с ноги на ногу, глядя на высящееся невдалеке колесо обозрения. На фоне колосса три детские фигурки кажутся крошечными, и это пугает Витька. Впрочем, меня тоже.

– Давай-давай! – подначивает Егор. – Сам предложил за бомжом следить, а теперь что, струсил?

Витёк смотрит на него, потом на меня. Переводит взгляд на ограду, за которой вздыбился гигантский аттракцион.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает конопатый. – Лезешь?

– Не, пацаны, – Витёк отводит глаза.

– Трус, – констатирует Егор и обращается ко мне:

– Ну, давай на ван-ту-фри, что ли, кто первый лезет.

Я с жалостью гляжу на Витька. Бедняга... Всё смеялся над нашими страхами, а теперь боится сам.

– Лезь первым, – мой голос звучит громко и твёрдо. – Слышишь, Егор, первым. Или струсил?

Конопатый напрягается. Он привык, что все и всегда подчиняются ему, а тут такое. А мне просто обидно за Витька!

– Лады, – цедит Егор сквозь зубы, – ты только не отставай, малой.

И вот мы перемахиваем через ограждение, подходим к пожарной лестнице, ведущей на вершину колеса обозрения, и Егор начинает восхождение, обхватывая вспотевшими руками ржавые перекладины. Я – за ним. Стараюсь не смотреть вниз, потому что знаю – мы уже высоко. Так высоко, что макушка берёзы, высящейся возле аттракциона, покачивается на уровне моих глаз.

Где-то внизу бегаёт струсивший Витёк. Ему сейчас хуже, чем нам. Всего-то на минуту поддался страху, но долго теперь не сможет смотреть нам с Егором в глаза.

– Слышь, малой, – шипит Егор, когда я утыкаюсь головой в его ботинки, – ты аккуратнее, не торопись. А то столкнёшь меня. Всё равно футбол пропустили... – и ползёт дальше.

А я думаю: «Ого, как поздно! Уже вечер. Долго мы за бомжом ходили».

И начинает разливаться по телу неприятный холодок. А вдруг Витёк прав насчёт оборотня... Хотя, нет – про оборотня Егор плёл. Егор! Меня вдруг захлестывает злоба к этому конопатому. Ведь он придумал забраться наверх следом за бомжом и проверить, не превращается ли тот в оборотня. Глупость! Но нет же, мы не могли устоять. Егор сказал «кто не трус», и я не имел права струснуть!

Боюсь подумать, что ждёт нас наверху. Может, бомж пойдёт куда подальше за то, что мешаем спать, а может, сбросит вниз. Это же бомж, а они бывают злыми и жестокими! Я знаю это... по фильмам.

Занятый этими странными мыслями, замечаю, что макушки берёзы уже не видно и во все стороны от уводящей вверх лестницы – только небо, в закатных сумерках взявшееся багровой пеной. Поскрипывают кабинки, кряхтит Егор.

Мне вдруг становится страшно – а что если он устанет и упадёт вниз, увлекая и меня за собой? Но тут же эту мысль вытес-

няет другая: «Он старше меня и сильнее. Он не упадёт».

Егор замирает. Я запрокидываю голову и едва не разжимаю пальцы, вцепившиеся в холодный металл перекладин. Старший товарищ уже на самой вершине. Ему осталось лишь вскарабкаться на небольшую площадку и забраться в кабинку, но у площадки нет ограждения – просто квадрат в метр, открытый всем ветрам. А ветер силён. Он треплет волосы, рвёт футболку.

– Я боюсь, – произносит Егор, оборачиваясь ко мне через плечо. – Мне страшно. Я сдвинуться не могу.

Да что там, и мне страшно до безумия! Я готов предложить другу плюнуть на бомжа и спускаться вниз, но вспоминаю о Витьке, который был осмеян как трус. Ну, нет, Егор, я так просто не отступлю!

– Загляни в кабинку, – говорю я, но конопатый лишь мотает головой. Для того, чтобы заглянуть, ему надо взобраться на маленькую площадку, с которой можно легко сорваться вниз.

Сколько там метров? Двадцать? Тридцать?

А вокруг сгущаются холодные сумерки, даже небо, минуту назад яркое и румяное, теперь потускнело.

Нам пора домой! Давно пора! Давай же, Егор, посмотри на бомжа, убедись, что он там...

И тут у меня на поясе начинает предательски звенеть мобильник.

«Внимание... – разносится над сонным парком, – мама звонит».

В давящей тишине звук этот чудовищно громок. Егор вздрагивает, выпускает не то стон, не то вой.

Это звонит мама... Она спросит, где я и когда приду домой...

Мама... мамочка!

«Внимание... Мама звонит...».

Замеревшая в пиковой точке кабинка вздрагивает, из неё вырывается огромная сова и с уханьем пикирует вниз, мелькнув на фоне потухшего небосвода.

Наш крик слышен далеко...

– Вниз, вниз! – вопит Егор, и я что есть силы перебираю ногами и руками, спускаясь по треклятой лестнице. А телефон всё не умолкает...

«Внимание... – заезженной пластинкой хрипит он из ременного чехла. – Мама звонит...»

Внизу что-то кричит Витёк, и в его голосе проскальзывают истерические нотки. Ухает сова, кружась вокруг колеса, кричит Егор, кричит Витёк. Кричу я – так, что в горле начинает першить.

Мама! Мамочка!

Наконец мои стопы касаются земли, и тут же в плечо впивается рука Витька:

– Сова, пацаны! Вы видели?!

– Валим! Валим отсюда! – хрипит соскочивший с лестницы Егор и бросается к забору.

Вслед за старшим товарищем мы перелезаем через ограждение и бежим прочь от аттракционов. На пустынной аллее едва не сбиваем с ног парня и девушку, стоящих, обнявшись, в темноте. Несёмся не разбирая дороги, то продираясь сквозь кустарник, то громко топая подошвами кроссовок по асфальту.

Лишь теперь я замечаю, что телефон больше не трезвонит. Я останавливаюсь, гляжу на дисплей:

«Один пропущенный вызов».

Это мама... она звонила...

– Ты чё встал?! – дёргает меня за рукав Егор. – Бежим! Это он! Ты был прав. Это он! – Кто?

– Сова! Тот бомж превратился в сову! – он на миг умолкает, а потом, указывая на просвет между деревьев, туда, откуда мы только что пришли, вопит: – Вон он!

И я замираю, не в силах пошевелиться. По аллее, взметая крыльями пыль, летит огромная сова. Нет, даже не сова – филин. Огромный. Два жёлтых глаза светятся злобой, клюв раскрыт.

За моей спиной вскрикивает Витёк, и есть отчего – в полёте филин вытягивает ранее поджатые лапы с длинными когтями.

– Бежи-и-им!.. – теряется в стуже сердца сдавленный вопль Егора.

Я вскидываю руки перед собой, пытаюсь заслониться от острых когтей, и в этот момент дисплей телефона вспыхивает, а из динамика слышится:

«Внимание... Мама звонит...».

С воем филин делает вираж, уходя от яркого пятна света, и исчезает в кронах деревьев.

«Внимание... Мама звонит...».

– Что это было? – шепчу я.

Егор молча протягивает два серых пера.

– Откуда?

– Оттуда... – глухо отвечает конопатый. – Я заглянул внутрь... когда вылетела сова... там были только перья.

Я обессиленно киваю, нажимаю на кнопку вызова и подношу телефон к уху.

– Ты где? – едва пробивается сквозь непонятные помехи обеспокоенный мамин голос.

– В парке, – отвечаю я трясущимися губами. – Мама...

– Быстро домой, – строго говорит она. – Уже темно, – а затем спокойно и ласково: – И ужин уже давно готов. Быстрее давай.

Домой мы идём молча. Я поминутно жму на клавиатуру телефона, освещая путь перед собой, а когда, наконец, оказываемся на освещенной улице, Егор говорит:

– Малой, ты молодец.

О чем это он? О моем поведении или о вовремя зазвонившем телефоне? Так это не моя заслуга.

– И ты молодец, Витёк... – продолжает он, – извини, что я на тебя так.

Витёк молча кивает. Мы больше ни о чём не хотим говорить. Там, в парке, что-то случилось. Может, нам показалось, а может, и нет... У страха глаза велики, говорите? О, да! Они большие, круглые и жёлтые...

* * *

– Что там было? – спрашивает Витёк, когда мы сидим на лавочке возле моего подъезда, освещаемые одиноким фонарём. Егор уже давно дома, а мы всё не можем успокоиться.

– Бомжа там не оказалось, – отвечаю я, – в кабинке. Только несколько перьев.

– Может, он с другой стороны слез? – с надеждой в голосе спрашивает друг.

Я отрицательно мотаю головой:

– Ты же там был, не мог он мимо проскочить. Значит, он – сова... ну, то есть филин...

– А в чём разница?

– Ну, у филина лапы в перьях, а у совы – нет. И уши у филина...

Я пытаюсь вспомнить физиономию чудища, привидевшегося мне минувшей ночью, и обмираю – у монстра, забравшегося ко мне в окно, не было ушей, как у филина...

Отреагировав на внезапное молчание, Витёк с опаской щёлкает пальцами перед моим лицом.

– Я думаю... про него. Почему он не напал ночью?

– Может, не был голоден, – пожимает плечами Витёк.

– Не-а... Он как будто... – я вновь замолкаю и хватаю друга за плечо. – Подождёшь меня минуту? Я домой сбегаю.

Витёк с опаской глядит на неосвещённую дверь дальнего, своего, подъезда, затем переводит взгляд на безлюдный двор и, не желая, чтобы я счёл его трусом, согласно кивает.

– Только быстрее.

Я киваю в ответ, прикладываю ключ к домофону и рывком открываю дверь подъезда. Взбегаю по лестнице. Врываюсь в квартиру.

Мама на кухне. Что-то жарит. В сковороде на плите весело скворчит, а по комнатам разливается приятный запах пряностей.

– Мам, я пришел! – бодро заявляю я, скидывая кроссовки.

– Умаялся?

Отрицательно мотаю головой.

– Ужин будет через полчаса, – деревянной ложкой мама пробует горячее варево из сковороды и причмокивает, – или чуть раньше...

Я растерянно, впрочем, уже начиная понимать происходящее, замираю в дверях.

– Ты же звонила и сказала ужинать идти.

– Не обманывай, – с улыбкой отзывается мама. – Телефон в твоей комнате заряжается, а я на кухне весь вечер.

На негнувшихся ногах иду в свою комнату. Открываю дверь, включаю свет. Мамин телефон лежит на кровати, рядом валяется зарядное устройство, а на полу – прелые листья и пара перьев.

Я хватаю телефон, подношу ближе к глазам и замечаю на корпусе едва заметные царапины... бороздки от когтей.

Сова! Это была сова – то существо, пробравшееся в мою комнату. Оно позвонило мне и спасло от филина!

Через окно прекрасно видно высящееся над крышами домов колесо обозрения. Мне представляется, как своим чудовищным зрением наблюдает отсюда огромная сова за детьми, лезущими на вершину колеса, и спасает их, позвонив. В тот момент я был так напуган и телефон так сильно хрипел, что мамин голос был едва различим. Но это звонила сова!

А злой филин – бродяга с жёлтыми глазами. Он превращается...

Вспомнив об оставшемся на улице Витьке, я выбегаю в коридор, быстро надеваю кроссовки, сломя голову несусь вниз по лестнице и уже собираюсь отпереть металлическую створку, как вдруг замираю, заслышав голоса.

– Голову забирай, а я возьму тушку... – хрипит один.

– Зачем ты звонил ребёнку? – спокоен и властен второй голос.

– А ты хотел, чтобы они забрались в гнездо? Бери и не вымажись в крови.

– Нужно быть осторожнее.

– Как? – каркающе изрекает первый. – Мы и так не убиваем людей в постелях, чтобы не было слухов. Что ещё можем сделать?

– Улететь, – произносит второй.

Слышится удар о землю чего-то тяжёлого, но мягкого.

– Куда улететь?

– В город побольше. Этого ребёнка нам надолго хватит – мясо хорошее.

– Согласен, – клеоча, отзывается первый. – А там опять превратимся в людей...

Я распахиваю дверь. Знаю, что не нужно этого делать, что за ней – смерть, но не могу иначе, ведь снаружи мой друг.

– Витёё!.. – кричу я и тут же замолкаю, прижатый к стене.

Увиденное потрясает – возле лавочки в свете тусклой лампы стоит грузный, невысокий мужчина в дождевике. Глаза его отличаются желтизной, а руки, сжимающие что-то бесформенное, напоминают обезьяньи – длинные, волосатые, с крючковатыми когтями. Это – сова...

А филин – бомж в серой ветровке – прижимает меня к стене, закрыв рот ладонью.

– Тихо! – зло шипит он. – Если будешь молчать – выживешь. А если заговоришь...

Его глаза внезапно вспыхивают багрянцем, нос и рот на глазах превращаются в клюв, а небритый подбородок прорастает мелкими серыми перьями.

– Будешь молчать?

Я киваю.

Щёлкая клювом, филин оборачивается к сове и что-то по-птичьи говорит ему.

Тот отвечает по-человечески:

– Ну так прикончи!

Филин недовольно морщится:

– Одного унесём с собой на мясо. Двух не сможем. Трупы оставлять нельзя.

– Тогда вырубите его, – произносит сова и поднимает с земли свой бесформенный свёрток. Это голова... Широко раскрытые глаза Витька остекленело смотрят на меня. Из полуоткрытого рта на асфальт стекает струйка вязкой крови.

Ноги подкашиваются, и я погружаюсь в беспамятство...

* * *

Врач уверяет, что я почти здоров...

Он даёт мне таблетки и улыбается, как старому знакомому, но я даже имени его не знаю. Просто врач.

Мама говорит, что он вылечит меня и я снова стану нормальным. Она не верит мне. Мой рассказ о сове и филине, об обезглавленном Витьке... она ни во что не верит!

Приходил полицейский, спрашивал меня и тоже не поверил. Они думают, что Витьку похитили, потому что у подъезда было много

крови, а я видел это похищение и сошел с ума! Но я не сошёл с ума! Клянусь!

Вчера я видел, как глаза у новенького санитаря блестели желтым. А сегодня сказали, что сбежала пациентка, девочка моего возраста. Я знаю, что она никуда не сбегала. Это филин-санитар её съел! Сlopал, как говорил Егор. Сколько же их в нашем мире – оборотней, которых мы считаем людьми! Они бродят рядом с нами, а мы и не замечаем, пока не блеснут их безумные глаза, пока не щёлкнут клювы, не покажутся когти.

Мама... мамочка...

Доктор говорит, что в палате окно замкнуто на ключ, а ещё снаружи решётки и никто не сможет ко мне забраться! Но филин в здании! Я кричал, что он рядом, а мне не поверили. Только сделали укол...

Прежде чем я погрузился в беспмятство, санитар сказал: «Спи крепко, мышонок» и засмеялся с подсвистом и клёкотом.

...Может, всё это – лишь дурной сон?

ПО ВЕСНЕ

Дачный посёлок по весне напомнил ему заброшенное кладбище: заросшие бурьяном, заваленные прошлогодней ботвой участки. Вместо поваленных оградок – поломанный штакетник. Илья Иванович знал хозяев доброй половины здешних дач. Вон там ещё не до конца растащенный на кирпичи двухэтажный домина без крыши – дача советского чинуши, тяжело заболевшего в девяностые и умершего в начале двухтысячных. Ну и куда ему двухэтажное дачное надгробие? С собой забрал? А таких вот дач без хозяев или с новыми хозяевами с каждым годом всё больше. Идешь себе по аллее, видишь за кустами людей в спецовках, жгущих старую ботву, кричишь им:

– Звягины!

Оборачиваются, а это не они.

– А Звягины тут уже не садят, мы дачу купили, – говорит кто-нибудь из новых хозяев.

Остаётся лишь протянуть тоскливое: «Извините, обознался...».

Как на всяком кладбище, встречаются целые домики, аккуратно побеленные, с целыми дверями, относительно ровными заборами. Тут явно рачительные хозяева. «Родительский день» для двух-трёх поколений начинается в мае и длится до октября.

Работавший до выхода на пенсию водителем автобуса, Илья Иванович частенько вспоминал, как летом ему доверяли дачный маршрут. В восьмидесятые было много молодёжи, спешащей на дачу. В девяностых – сплошь старушки. Теперь же контингент разный, но в основном все люди моложе пятидесяти пересели на машины и добираются своим ходом. Скучно стало ездить в дачном автобусе с такими же, как он, стариками, все темы разговоров с которыми уже измусолены, аки вставная челюсть. Хотелось поговорить с кем-то помоложе, узнать новости, понять, чем дышат люди на десять-двадцать лет младше него.

Прогулка по разорённым дачам без попутчика – полезное в физическом плане, но беспросветно тоскливое занятие. Домишки, похожие на брошенные скворечни, почерневшие, иссохшие калитки, наспех перехваченные проволокой, скрипящие на ветру.

Сегодня Илье Ивановичу повезло. Параллельно ему по соседней аллее шла женщина на лет пятидесяти, вела в руках велосипед. Илья узнал её и кинулся через ближайший проход между дачами навстречу.

– Игнатова, – замахал руками, – Петровна!

Женщина остановилась. Поправила сползшую на глаза косынку, прищурилась, пытаясь понять, кто позвал её по отчеству.

– На дачу, да? – уже шёл к ней старик, понимая, что нашёл себе попутчика.

– А! – наконец признала его женщина, – Иванныч... На дачу, куда ж ещё. Надо хоть посмотреть, что с избушкой, забор подлатать. Говорят, опять по дачам лазали.

– Лазали, – со знанием дела подтвердил Илья. – Я зимой ходил тут: заборы поломаны, в домиках все двери нараспашку.

– А что тут искать-то? Уже весь металл, какой был, разворовали.

– Это да... А они на пакость теперь. Моя вон в избушке по осени всё прибрала, коврик старый постелила, кровать заправила. Шторочки там всякие. Всё перевернули, аж тошно. Хоть ничего не делай. Ещё столбы металлические повыдирали.

– Да, – закивала Игнатова, – точно. Ко мне сын приезжал прошлым летом, я ему говорю: «Давай все металлические столбы вытащим и заменим на деревянные, чтобы никто забор не поломал, если придут за металлом». Он пытался-пытался их раскачать, убил день на один столб. А эти махом все восемь выдрали. Силы, видать, много.

– Это они по весне, пока земля оттаивает. В это время столбы как по маслу выдёргиваются. Я вон тоже хочу весь металл к чёртовой матери сдать, чтобы не лазали. Так ведь не отвадишь! Будут каждый год забираться, что-то искать. Моркошка подрастёт – выдерут, лук – туда же.

– Во-во, – дачница закивала. – Мы надрываемся, дачу унавоживаем, сорняки выпалываем. А они пойдут, продадут, на бутылку заработают и радуются жизни. Я тут на рынке прошлым летом с одной ругалась. Пьянчуга с пристани. У неё дачи отродясь не было. Всю жизнь бичевала, сколько её помню. А тут сидит, викторию продаёт. Я подхожу: «Откуда клубника?». «С дачи», – отвечает. Я говорю: «С чьей дачи?» – «Да с моей». Я говорю: «Ах ты, бесстыжая! Нет у тебя дачи». У кого-то наворовала и торгует сидит.

– Всё так. У меня родственники однажды, пару лет назад, приехали на поле картошку копать, а там какие-то крепкие ребята уже половину поля опростали и копают, как будто так и надо. Они с вопросом: «Вы какого чёрта тут делаете?» Те отвечают: «Наше поле!» Родственники мои: «Нет, наше!». А один из бугаёв такой: «Иди, старпёр, отсюда подобру-поздорову, пока не прикопали». Ну, он и сел со своей бабкой на пустые мешки.

– И чего?

– Ничего. Подождали, пока те ребята в машину к себе урожай покидали и уехали,

тогда только оставшуюся половину начали выкапывать. Мало ли, дураков хватает. А вдруг и правда пришибут там же на поле. С них станется – лопатой по затылку, и всего делов.

Соседка энергично закивала:

– И ведь не сделаешь ничего.

– Можно пугнуть или попробовать поймать, но... сама знаешь, что потом будет. Кого виновным выставят? Хозяина.

– Это да... Илья Иваныч, а ты не надумал ещё дачу бросать? – вдруг спросила собеседница.

– С чего бы? – пенсионер даже остановился.

– Ну, мало ли. Дети и внуки уже выросли, в большом городе живут. Вам с супругой много ли надо? Всё в магазинах можно купить.

– Да тут такое дело... Ты, Петровна, когда на пенсию?

– Через два года.

– Во-от... С работы уволишься?

– Уволюсь, наверное. Зарплату сокращают всем, так что за копейки днями работать – нет уж, пусть будет пенсия по минимуму, проживу.

– Дача поможет?

– Ну, конечно, – женщина расплылась в улыбке. – Всё-всё! Поняла, для чего тебе дача.

– Не только. Ещё этокое лекарство от скуки и тоски. Сидеть дома неохота, а дача и время занимает, и едой обеспечивает.

– Вот и Анна Викторовна Самарцева, – Игнатова кивнула в сторону одной из дач, калитка которой была распахнута, а возле домика стояли вилы и лопаты, – до чего божий одуванчик, а всё туда же, к земле... Ну, в смысле к даче.

– Да ладно, все мы к земле тянемся, – усмехнулся Илья, – поздороваться бы надо с одуванчиком.

Собеседница кивнула и тут же громко, звонко, по-девчоночьи закричала:

– Анна Викторовна! Вы тут?

Из домика выглянула немолодая женщина. Худая, с маленьким морщинистым

лицом, недовольно посмотрела на бредущих по аллее людей.

– Чего вам надо?

– Ой, извините... – Игнатова смутилась, – я думала, Анна Викторовна на даче работает.

– Умерла она. Ещё по осени, – бесцветно отозвалась женщина и снова скрылась в домике, застучал молоток.

Илье на ум тут же пришло странное сравнение: вот строили люди себе гнёзда, вили их. У кого-то простенькая избушка из фанеры, тонкая и лёгкая, как птичье гнездо, у кого-то – добротный скворечник. А теперь живут там совершенно иные птицы. Кто-то вырубит старые ели и сосны, посаженные первыми владельцами дач лет тридцать назад, лягут под топор яблони и вишни, на место которых посадят что-то новое. Каждый будет менять окружающий мир под себя. И так станет из года в год, из века в век меняться этот самый окружающий мир, ничего постоянного не оставляя.

– Извините, женщина... – широко улыбаясь, Илья Иванович шагнул к забору и громко добавил: – Можно вас отвлечь на секунду дочку?

Неприветливая хозяйка «скворечни» вновь показалась на крыльце, на этот раз с молотком в руках.

– Ну?

– Меня Ильёй зовут. Илья Иванович. Мы с вами теперь соседи.

– И что? – в голосе новоявленной соседки отчётливо различалось раздражение.

– Просто, – старик развёл руками, – хотел познакомиться. Мало ли...

Неловко развернулся, пошлёпал по грязи к стоящей поодаль спутнице.

– Анна, – ткнулся в спину растерянный окрик. – Меня Анна зовут.

Обернулся, посмотрел с прищуром.

– Вы извините, что я с вами так, просто мама...

И заплакала.

– Это вы нас извините, – Илья примирительно выставил перед собой ладони, попятился к велосипеду.

– Что это с ней? – не поняла Игнатова.

Илья Иванович хмыкнул:

– Пойдём-ка отсюда, Петровна.

– Это ты её, что ли, довёл?

– Нет, не я. Это она сама себя... – и пошёл по аллее.

Спутница догнала старика минут через пять:

– Да кто она такая?

– Дочка Анны Викторовны, – на ходу бросил Илья Иванович, – старшая.

– Это которая в Германию уезжала?

– Да.

– Вернулась, получается... А почему она плакала?

– Мать умерла, – буркнул Илья.

– Так мать-то давно умерла.

Старик вдруг остановился как вкопанный, и Игнатова едва не налетела на него.

– Ты чего, Иваныч?

Старик запрокинул голову, взглянул на небо, подернутое лёгкой рябью облаков.

– Скворчки... Слышишь? Поют, свистят.

Женщина прислушалась, едва различила редкое птичье посвистывание.

– Вот пришла она на дачу, – тем временем продолжал Илья Иванович, – зашла в избушку, а там всё как при матери: на столе перчатки рабочие лежат, на крючках вдоль стен спецовки...

– Ты это о чём?

– О жизни, Петровна. О жизни...

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 г. в Таре. Работает руководителем литературно-драматургической части Омского государственного Северного драматического театра им. М. А. Ульянова. Произведения печатались в периодических изданиях, сборниках и антологиях Тары, Омска, Ужгорода. Победитель и лауреат ряда городских и областных конкурсов, в т. ч. VI и VII региональных поэтических конкурсов «Омские мотивы» (Омск, 2013, 2014).